

Оно родилось в природе и вышло в мир из природы - наше родное слово. Все, все запечатлено в нем - от первого трепета полуночной звезды до последнего грохота великой битвы. Потому гнев и доброта, радость и печаль уживаются в единой, умной и зоркой исповеди Татьяны Глушковой:

Но когда бы пройти этот путь
наказали мне снова и снова,
никуда б не желала свернуть
от спаленного дома родного.

Сколько же вынесли оголтелых натисков и критических погромов те прозаики и поэты, которые двадцать и тридцать лет назад отстаивали от “бездушных роботов” дедовскую тропинку в луга, к роднику, к речке, к озеру? А уж если бежала эта тропинка мимо разрушенного храма и по ней, дедовской тропинке, шел нормальный человек, покачав горестно головой у вывороченных колонн, то, как правило, - “темный”, “деревенщина”, а в худшем случае - “шовинист”, а в более тревожном - “черносотенец”, тоскующий о монархии, не желающий понимать “интернационального братства”, как будто интернационализм - разрушение красоты и благородной исторической памяти.

Конечно, грустные мысли. И - старые мысли. Посмотрите журналы “Москва”, “Наш современник”, “Молодая гвардия”, “Волга”, “Огонек” за шестидесятые и семидесятые годы, там вы найдете то, о чем ныне мы открыто говорим на писательских пленумах и съездах... Родная природа. Родное слово. Родина. Только из этих пространств земли и памяти родится поэт, вырастает поэт:

Какая щедрая земля!
Какая дивная погода!
Под высотой небосвода
звенят, как в детстве, тополя!

Мне кажется, из тех обычных пространств, упомянутых мною, пришла в поэзию и Татьяна Глушкова. Соединенная всеми струнами души с привычным миром семейной истории и вечным миром природы, поэтесса не вольна отсечь себя от времени, от народа, от стихии жизни, и ее слово - болевое и безоглядно искреннее, нет в ней никакой “дипломатической” примеси, банальной изворотливости, умения обходить острые ситуации:

Видно, так по роду и от века
начерталось - и не зачеркнешь!
Одичалая боль человека
вызревает, как зимняя дрожь.

Или такое, знакомо-забытое, наше, твое, твое:

А вот и яблочный медовый Спас
под парусами сводов деревянных.
И даже нищий держит про запас
две груши иль два яблока румяных.

Струятся свечи. И горячих ос
в церквушке душной грозное круженье.
А бабий хор высок и трехголос,
и клонит в сон ликующее пенье.

Сейчас мы прямо сожалеем: мол, не удалось нам воспитать нового человека, мол, бередят нас иные “волосатые кучки” молодых циников, бросаются нам в глаза “зрелые группы” спекулянтов-обдирал, ворья, тревожат нас хамящие попрошайки с чужих ломящихся столов, позорят диссидентствующие политиканы...

Но отчего так засорилась река оптимизма? Теперь мы как бы возвращаемся в ученики к тем, кто не разрушил свои нравственно-гражданственные устои, кто сберег уважение и свет к себе, к другому - к собственному и к чужому очагу. И разве изменилась роль и значение мужчины и женщины под охранной крышей семьи, померк “маячок” сказки, песни, улыбки? Не изменилась их роль, а усилилась внутри ищущего равновесия и стабильности народа.

И зря сокрушается Илья Смирнов в пресс-бюллетене “Дома кино”, за май 1989 года, на стр. 8: “Среди путей, открывшихся ныне перед русским народом, есть и тот, что я условно называю “иранским”: отгородиться от окружающего мира стеной ненависти и предрассудков. К сожалению, апологеты этого пути не лишены шансов на успех: в критические периоды темные, малокультурные слои народа, напуганные вторжением в их жизнь непонятной, а потому враждебной цивилизации, бывают склонны искать спасения в своей “исконной” отсталости”. Он - мировой мыслитель, политик? Условно называет... Пририцатель!..

Кто ж он - Илья Смирнов? И Смирнов ли? Почему в нас “размножается” заразный паразит - видеть себя умнее и цивилизованнее того народа, что поит тебя и кормит?

Философия иждивенца, преуспевающего ограниченного “джинсовика”. Человек, утратя под ногами тропку, ища ее и вновь обретая ее, стремится на голос любимой, на голос матери, отца, стремится к незыблемому и дорогому, давшему тебе суть.

Творческая работа Татьяны Глушковой - работа большая, много тут печали, отваги, терпения:

Лишь та фигурка вся освещена -
тот пастушонок, с грустною козюю
на колышке, - над сталью полотна,
на сизом небе - как перед грозою.

Не будем распространенно, до банальности, исповедоваться о понятиях известных, почитаемых еще у скифов: Родина, предки, могилы, слава, тоска по природе, боязнь потерять уважение близких. Поэтесса тут, как сейчас любят говорить “чугунные авангардисты”, - старообрядчески наивна, то колос привлечет ее внимание, то ветхий и обильный бабушкин огород всколыхнет в ней забытое, милое, то быстро бегущий поезд простучит ее душу, взлетят над горизонтом фашистские истребители, сеющие черное непроглядное зарево...

И это все - память, все - прошлое, все - Родина! От книги “Снежная гроза” веет уютом чувства, нравственной порядочностью, деликатностью слова сопереживания. Поэтесса ничего не упускает из “домашнего” мира детства, из того, что глубоко запало, залегло драгоценным и неизбывным в ее дорогу судьбы - во взрослость, в молодость, но вместе с мамой, отцом, братьями, сестрами, вместе с горькой русской степной полынью, вместе с бедою кровной земли, вместе с весною земли, со всем тем, что мучит, жжет, заставляет думать о завтрашнем.

* * *

А нашу надежду на завтрашний день никак нельзя отделить от благородной природы: мы ведь и вообразить самих себя не можем вне природы - обойтись ли нам без медленной Волги, без Байкала, без Днепра? В них - смысл нашей истории. В них - суть нашей старости. Чем сильнее обычный человек погружается ощущениями в железо, в технику, в стон самолетных турбин, в грохот колес, тем острее он слышит запах черемухи, пение иволги, шелест ветра. Особенно - ученый, занимающийся веществом: расщеплением атома, его убойными реакциями. Игорь Васильевич Курчатов, например, не мог без содрогания наблюдать, как под стальными лезвиями бульдозера захлебывается и замолкает горло родника. Деспотически заботясь о безопасности АЭС, он предчувствовал ротозейство, технологическую распушенность - трагический

Чернобыль...

Любовь ко всему поющему, теплому, одухотворенному в природе не мешает человеку проникать в тайны земли и неба, в глубину морей и материков, не мешает человеку совершенствовать науку, нрав, а помогает. Человек, ненавидящий красоту и мудрую загадочность природы, ничего путевого не даст, кроме разрушения и злобы, любовь - удивление, нежность:

Но в эту ночь такая тишина
сгустилась на сердце,

во рву,

в саду глубоком,

как будто бы - последняя вина,
как будто бы последняя весна
летит во мгле, не узнанная Богом.

Чего же в этих строчках найдешь неприемлемого, неряшливого, зряшного, а тем более бесталанного? Находить плохое - тоже надо справедливо, уметь надо, не говоря уже о том, что хорошее находить надо "без камня за пазухой".

Татьяна Глушкова счастливо сочетает, пересыпает свою поэтическую речь украинскими словами, определениями, именами, а для русской речи такое - узорчатые разбеги:

И никому не скажем, что - родней:
российское медлительное слово
иль эта, что стрекочет, как ручей,
поющая и плачущая мова.

Прекрасно найдено "противопоставление" в движениях к единству - "поющая и плачущая мова". Прекрасно!

В книгах Татьяны Глушковой благодарные строки об Украине мы вместе с поэтессой принимаем и понимаем как добросердечие и красоту Украины, где, может быть, впервые, в солнечных далях, на просторах древних наших предков, родилось в душе поэтессы отзывное чувство, великий смысл, таящийся в имени - Родина.

Было бы лишне тут, в рядовой статье, закреплять за Татьяной Глушковой эпитеты “интернациональная”, “дружественная”, и т. д., поскольку стихи поэтессы легко и доверительно “касаются” многих наших краев, дорог и судеб.

Но и “не закреплять” опасно. Посыплются обвинения: “русофилы”, “шовинисты”, “враги перестройки”, “фашисты”...

Едва-едва я задел “конструктора” перестройки, члена Политбюро ЦК КПСС тов. Яковлева А. Н. колючим замечанием за то, что он упрятал в “огромный канадский карман почти всю нашу прессу”, как на меня обрушились “его” газеты и журналы. А “Московские новости” набросились с редким рвением: “Чем же так провинился Яковлев перед Сорокиным, что он, неверующий, вынужден обращаться аж к самому Господу Богу?” И давай наклеивать: “шовинизм”, “лозунги”, “церкви”, “погромщиков из “Памяти” и “России”, маленькой скромной газетки, давай “учить” работников ЦК КПСС, Дмитрия Барабашова и Бориса Волкова, бросивших по реплике в адрес члена Политбюро тов. Яковлева А. Н., давай долбить: “Молясь” в компании Сорокина”, “изложили концепцию”, “хотели того или не хотели”, “я знал, что партком аппарата провел с ними беседу”, “высказал свою точку зрения”, - так Геннадий Жаворонков демонстрирует “преданность” члену Политбюро, которого я “обидел”...

Да, холопству на Руси “прилежности” не занимать!.. Не занимать ему и бесстыдства. А что я сказал? Что я натворил? Вот что: “Господи, я коммунист, но если ты поможешь, чтобы сегодня вечером Александр Николаевич Яковлев, член Политбюро ЦК КПСС, ушел в отставку, я до утра буду стоять на коленях!” Статья “Какому богу молится неверующий”, напечатанная в “Московских новостях”, в “Огоньке”, у Коротича? Коротич сидит в “огромном канадском кармане” Яковлева. Да один ли сидит там Коротич?

Подумаешь, вздохнешь среди отобранных у России газет и журналов и начнешь снова молить Бога, но уже втроем, с честными людьми вместе...

В “канадском кармане” Яковлева уместились десятки, сотни статей, сочиненных ревнивыми “защитниками”, позорящими русский авторитет и русскую душу, “защитниками”, низвергающими “по команде отца печати” лохани брани и помоев на честных русских писателей-патриотов. У “дальновидных защитников” и определение - “патриот” вызывает космополитическую рвоту: “предупредили их о возможности против них административной санкции”, “Но, по правде говоря, в телефонных разговорах с ними я не почувствовал каких-либо изменений в их позиции”, “Кому же они говорили искренне, мне или парткому?” Ничего себе, демократ! Допрос. Настоящий “гдляновский” допрос.

Подумаешь, вздохнешь, снова, среди отобранных у России газет и журналов, захваченных просионистами и сионистами, да уйдешь в природу, в думы поэтессы:

А слово, нами молвленное здесь,
единственную выбрало отчизну,

где все ему в укор - хула и честь
и пиршество, похожее на тризну.

.....
где все ему в новинку, косогор,
овсяных нив сухое дуновенье
и старых мыслей влажное теченье;
что и в забвенье - вовсе не позор;
не на чужбине все-таки забвенье...

Геннадий Жаворонков, если он Геннадий Жаворонков, прав: сильных мира сего надо защищать - верноподданничество хорошо оплачивается и сейчас, в 1990 году. "Голос Америки", "Свобода", "Немецкая волна" беззлобнее Геннадия Жаворонкова - так не врут. Наши хриstopродавцы, работающие там, порядочнее. Геннадий Жаворонков в статье "Какому богу молится неверующий" рассказывает о смутном "заговоре редакторов", о правительстве России, "сформированном" в предбаннике, в семидесятых годах, рассказывает, ворча, видимо, он стоял за предбанником - не впустили. Стоял с мочалкой, с веником, слушал и стукнул... Иначе - как ему не знать?

Коротичу лучше. Коротич сидит в кармане. Высунется - плюнет на русских писателей. Посидит - высунется и плюнет. Побегает по кромке "огромного канадского кармана", помашет кулаком русским писателям, защитит в "Огоньке" Яковлева, хозяина, и опять пробежит по кромке "огромного канадского кармана".

В "Огоньке" (1990, март, № 10, с. 19) в статье "Опасность справа" Павел Гутионтов рисует: как рабочего, испанца, просит еврейка скрыть ее дочку, еврейку, похожую на испанку, на случай погромов у нас, рисует, как ему украинка, "его читательница", жалуется, мол, у нее внук, на четверть еврей, что с ним будет, когда грянут 5 мая, нынешней весной, погромы? Павел Гутионтов рисует: как на митинге в Останкино "призывали громить евреев, соединялись ораторы с "фашистами" из "Памяти"...

Чушь Павлу Гутионтову - услада. Вранье - идея. Подсудное провокаторство - кормежка нервов, малая, а приятность.

Видеть в русской национальной заботе "русский фашизм" - уметь надо! Клеветать на отзывчивую душу русского народа - садизм, откровенное вымогательство ожесточения, подталкивания черных страстей толпы к мордобоям. Кликушество профессиональных негодяев издревле не находило в России, у русских и нерусских народов, приюта. Русский поймет провокатора - как провокатора. Нерусский поймет провокатора - как провокатора. Павел Гутионтов - Гутионтов ли?..

Слишком торопливо и напуганно скрипят перья провокаторов: спешат успеть выиграть время, выиграть покрупнее куш, спешат передать клевету мокрому закордонному базару, звенящему долларами.

Сегодня широко печатаются у нас “отторгнутые, забытые, обиженные”, по тем или иным причинам покинувшие Родину писатели. Одни наказаны за свою честность. Другие - за бесчестье, такие есть, третьи - за легковерие: авось за рубежами будет легче, привольнее. Но среди всех есть - травленные, грубо запрещенные имена. Включение их в общую “рубрику” - примета замечательная: правда и талант не пропадут, не иссякнут в народе! А травит не народ, травят - проходимцы, прячущиеся за народ.

Но куда уехать Татьяне Глушковой, когда ее травят, оскорбляют, клеветают на ее творчество, клеветают на ее слово, куда? В Америку, в Израиль? Хотя кое-кому уехать - как покурить. Быть злым, придирчивым, неуступчивым, дотошно-мстительным, уехав за кордон, устроившись на какое-нибудь “теле-радио”, в журнал или в газету, легко, раз ты уехал, порвал со всеми своими “недругами”. А жить дома, работать дома, дышать домом, терпеть невзгоды дома, помогать дому, болеть за него - и получать упреки, угрозы, как должен получать кто-то чужой, вредный дому, негодный для дома, - трудно... А кто тренируется на травле патриотов? Не те ли, что вчера пособляли нынешним возвращенцам патриотов? Не те ли? Куда эта их “забота” ведет? Что они хотят добиться, эмиграции коренных людей, самых родных, верных, дорогих дому? Но такое у нас ведь было!..

Статьи и очерки Татьяны Глушковой о литературе, напечатанные в газетах и журналах, полемические рассуждения, собранные в ее книге “Традиция - совесть поэзии”, не оскорбили никого. Она опирается на факты, на опыт жизни, на желание - найти общее, помогающее нам, каждому из нас, помогающее и ей рельефнее высветить полезное из собственной биографии, из увиденного, из прошлого и настоящего, означенного художником. Я не стал бы долго говорить о критически однобоком и настырно затянувшемся разносе творчества Татьяна Глушковой, если бы не понимал причину “солидарности вкуса” некоторых ее критиков...

* * *

Им и самому себе, отмечу, полезно вслух прочитать вот такие нежные и сдержанно-мудрые ее стихи:

Ни буковки о том - в горячем небе;
ни зернышка - по мартовской весне...
Но что ни поле - это весть о хлебе,
а что ни хлеб, то память о войне.

Так нет же... Мы еще, когда унижают поэтессу, мордасто осмеивают, молчим, позволяем чужеземному хамству хозяйничать на пороге своего дома... Привыкли к беззащитности?

Разуверить в способности личной правоты давать сдачу?

Известный провокатор, рассылавший запечатанные угрозы от имени общества “Память”, Норинский, носит православный крест под рубахой, а занят сионистскими делами. Вот диалог суда:

- Вы верующий?

- Да.

- Какую веру исповедуете?

- Я православный.

Так и Смирнов: может - Илья Смирнов, а кусают-то народ хищные зубы кобры...

Стараемся сгладить противоречия, накопившиеся за долгие десятки лет, стараемся несовместимое в литературном океане совместить, привести полярное к сносному однозобому терпению, к слепленному нашими скудными теоретиками групповому принципу: “сегодня те бьют, а завтра этих бьют”... Лукавство, хитрость, трусость не дадут желаемых результатов - затишья и благополучного сосуществования между болью народа и чужим нахрапистым окриком, не дадут.

А где нам защитить свое кредо: быть национально правдивыми и объективными? “Москва” заробеет - достается ей на бобы и без того, “Наш современник” - под непотухающим обстрелом счастливых “владельцев” основной части драчливой лит-прессы, а “Молодая гвардия” - ей надо чаще публиковать материалы о комсомольцах, о героике будней...

Да, “группа на группу, амбиция на амбицию”, а мы тут - надо вступить, надо разобраться! Глупость. Наивные люди. Мелочь, а мы серьезно огорчаемся, рвем сердца, кричим. О народе надо думать, о государстве, о планете, а не о себе, не о журнальной возне и лобовом натиске.

Но не “группа на группу, не амбиция на амбицию”, а мы устали, русские, от культивируемых “свыше” или “извне”, русофобии, русского одиночества, неукротимо подвергаясь зубоскальству, оскорбительному улюлюканию, оккупации заезжего жаргона на родном пороге, устали и заключили:

Не с Дону - с моря дует ветерок,
просыпем соль, заварим кипяток -
и ты уже не столько одинок,

читатель этих говорливых строк,
свидетель моего долготерпенья...

А может быть, так нам и надо? Мы, рожденные перед войною, поседели, дети наши сделались давно взрослыми, зрелыми гражданами, а все чего-то ждем, кого-то боимся, все не смеем конкретно назвать того, кто мешает нам дать честному голосу полную высоту и свободу. А кто мешает? Давайте посмотрим ему в глаза: чьи они, эти глаза, - сестры, матери, отца, брата, друга? Чьи? Что они в нас видят? Чего они от нас хотят?

Нет, это - чужие глаза. Это - злые глаза. Это - не глаза сестры, не глаза матери, не глаза брата, не глаза отца, не глаза друга. Это - глаза недруга!

Он, недруг, учит нас языку, а сам не понимает его, а сам изголяется над ним, хотя им, нашим языком, зарабатывает себе на сладкую жизнь и респектабельную судьбу - не только у нас, но и за рубежами нашего Отечества.

Пора нам собраться. Пора нам поговорить о родном, близком сердцу, дорогом, неотторжимом, пора. Никто другой не придет к нам, не скажет нам ободряющее слово, не позовет нас к самозащите, никто. Мы - сами защита. Мы сами - надежда. Сами - завтрашний день.

В книге "Традиция - совесть поэзии" Татьяна Глушкова остается верной изначальной цельности и народности искусства, она считает: богатая духовная среда, из которой вырастает и формируется художник - свет таланта, сегодняшние и завтрашние возможности и обязательства художника... Но, ведя дискуссию, подтверждая или оспаривая мысли оппонентов по поводу того или иного произведения, того или иного авторитета, Татьяна Глушкова держит уровень интеллигентности, не допуская личного равнодушия, не прибегая к искажению чужого мнения.

Разве случаен такой широкий интерес к ее статьям, очеркам, посвященным нашей литературе, нашей истории? Проникновенность чувства, острота ума, знание предмета, особая аккуратность выражения того, что кажется ей нужным, по моим наблюдениям, и дали книге "Традиция - совесть поэзии" Татьяны Глушковой заметное, отличительное место в литературной полемике.

Но почему же такая резкая реакция на книгу "Традиция - совесть поэзии" у Бенедикта Сарнова? Он восклицает: "И в статье Глушковой, о которой нам еще рано забыть, все это предстает, быть может, особенно страшно, кроваво - потому что статья бьет не по общим проблемам и суммарным явлениям, когда даже инсинуацию можно - отчего бы и нет? - объявить концепцией ("а я считаю..."), но потому, что действительно кровоточит. По людям".

Бьет по людям? Нет, не по людям, а по тому, что нам давно надоело в иных людях, бьет по "подделке" страстей, по чужеродности, по самоуверенности, по безнаказанности, по

неряшливому покою: мол, мы и есть то, что вам надо, мы и творим то, чего от нас ждут миллионы! Бьет точно, а это - слишком свежо и простудно...

Ища приема и метода посильнее уколоть, унижить талант Татьяны Глушковой, С. Рассадин, Б. Сарнов, С. Чупрынин, да и многие другие критики, “ягоды одного поля”, ловчат, хохмят, приписывая Татьяне Глушковой “учителей”, которым она подражает: то - Евтушенко, то - Мориц, то - Ахмадулину, то есть кого Татьяна Глушкова не берет за образец, не видит и не провозглашает их творчество вершинами поэтического восхождения, тем более - русского.

Станислав Рассадин даже называет подобные “подражания” “хищениями” и требует “пресечь такие хищения”!.. Какие же? Пусть Рассадину спокойно спится. Из творений Беллы Ахмадулиной оказываются “хищения” весьма “подозрительными”:

...Ужели я от памяти вольна,
Ужели я от юности свободна,
когда иду тропой твоей болотной,
моя волоколамская страна...

Не приводя никакой ахмадулинской “классики”, С. Рассадин утверждает: неотличимость, дескать, относительна, копия, дескать, заметно аляповата, стих, дескать, заметно лишен кружевной ахмадулинской прозрачности, и ежели, мол, тут возникает ощущение пародийности, то осуществленной, мол, не тонкой кисточкой Левитанского, а грубоватой кистью Александра Иванова...

Далее: “Вторичность, эклектика, эпигонство - они-то и есть эстетический диалог безвременья, его застойный стиль, обернутый глазами назад”.

Вот как! Даже “обернутый глазами назад”?! Жестокость и ненависть помешали автору вовремя сдержаться, притормозить вырвавшееся на простор древнее негодование, циничный ветхозаветный яд. И “не тонкой кисточкой Левитанского, а грубоватой кистью Александра Иванова...”, - звучит комично. Красота-то какая: Левитанский, Иванов, Ахмадулина, Евтушенко, Рассадин, Сарнов, Чупрынин. Ну разве можно не подражать? Нет, не устоять Татьяне Глушковой - корифеи.

* * *

Отношение “солидарных вкусом” критиков к Татьяне Глушковой, это не просто - отношение, неприязнь к поэтессе Татьяне Глушковой, к ее словарю, ее вдохновению, ее миру, это - недружелюбие к нам, русским, к нашей российской действительности, к

нашему русскому многострадальному достоинству, чуждогласо попираемому ныне со страниц газет и журналов, радио и телевидения, в общем - тех точек средств массовой информации, где самонадеянно засели возмутители покоя, "террористы - литснайперы, глашатаи ненависти к русскому народу"...

Генрих Боровик, голубь мира, часто теряет голос от старания уличить русских в "русском фашизме", охрип сам от лжепророчеств, теперь натаскивает сына, тренирует его в "Огоньке" на стезе советско-американских контактов. Евгений Евтушенко "собачится" с "экстремистами" из "Памяти", а потом "доносит", что все народно-патриотическое движение "Память"- "фашистское движение", поскольку оно его шугануло от трибуны. Лезет, потрясая перед носом дежурного депутатским мандатом, на вечер "Нашего современника", звонит министру МВД, закатывает истерику. Ловит "фашистов" в Доме литераторов, "гапонит" по Москве, но ни одного "фашиста" так и не выловил из русских. Утомился - навалял бумагу прокурору...

Шумят о "русском фашизме" в "Известиях", "Московских новостях", "Советской культуре", "Юности", "Октябре", "Литературной газете", "Книжном обозрении", "Знамени", "Аргументах и фактах", а "русских фашистов" нет и нет. Кому-то скандал нужен, а "русских фашистов" нет. Кому-то в Израиль уехать пора, а "русских фашистов" нет. Кому-то еще безнаказаннее хочется усесться на русской шее, а "русских фашистов" нет.

Где они, "русские фашисты", где? Они - под свинцовыми приговорами Троцкого, Свердлова, Каменева, Пятакова, Бухарина, Сталина, Ягоды, Ежова, Берия, Ульрихта, Кагановича. Они - под палаческими указами "вождей" и политиканов. Они, "русские фашисты", лежат в коллективных могилах "врагов колхозной эры", они, "русские фашисты", лежат в колымских ледниках, добывши золото, которое еще и сегодня скупают по обедневшим ювелирным лоткам торговцы русской жизнью, избалованные "русских фашистов". Они, "русские фашисты", лежат в братских курганах - от Москвы и до Берлина. Сколько их лежит? Кто подсчитает? Разве мать подсчитает? Только мать - "русская фашистка", дотянувшая до восьмого десятка лет в разоренной, ограбленной и растоптанной налогами деревне...

Мать подсчитает. Мать. Одиночество ее русское все подсчитает. Нищета ее все подсчитает. Ведь не сионистствующие молодчики будут подсчитывать, не русские хриstopродавцы будут подсчитывать?

Этот русский анапест, что плачет во имя любви,
в темной шали крест-накрест, живет не в эпохе - в крови.

А эпоха ему не соперница и не жена:
ничего-то не ведает в лунах и струнах она!

Это я - заплуталась в разлтых совиных лесах,
в тех трехрядных, трехструнных заречных ночных голосах.

Все-то кличет меня за ворота сырая гармонь,
все горит на болоте приветный осенний огонь.

Все-то бабка колдует и дымные травы варит,
“И тебя не минует!” - мне гиблую долю сулит.

И меня не минует последняя эта весна,
что в кибитке кочует, а щеки белей полотна.

И меня не минуют железной дороги огни.
Кто мне руки целует, не видя, как пусты они?

Я стою на порубке, а слышу и шелест, и свист:
кто погиб не на шутку, особенно нынче речист.
Эта мощь, эта слабость - ужели для жизни дана?
Наливай же, анапест, щербатую чашу вина!

Тяжело читать, тяжело думать, что подобные строки Татьяны Глушковой “неприятны” рассадиным, мальгиным, коротичам, сарновым, Ивановым, Латыниным, всем, кто здравствует под русскими псевдонимами, но без русской боли, всем, кто вместе со своими уезжающими и улетающими сородичами презирает седую русскую землю, оплаканную непотухающими обелисками на курганах.

“Это народ с искаженным национальным самосознанием”...

“Русский характер исторически выродился, реанимировать его - значит вновь обрекать страну на отставание, которое может стать хроническим”... Кто так говорит? Так говорят “не фашисты”, так говорят “не расисты”. А кто? Так говорят “демократы”, так говорят “патриоты”, то и дело заглядывающие в чужую лакомую тарелку.

Даже плачущая русская душа для них - “агонизирующая” душа. Даже русская культура для них - “накраденная” культура. О, как воронклюво чувствуют они собственную безопасность, когда в защите русского брата они не нуждаются, когда по любому микрофону “Свободы” заработать доллары легко, а предать Родину еще легче: никого не осудили за двуличие, за подлость, наоборот - иные вчерашние клеветники, изменники вертятся на трибунах, как на толчках, утверждая свою “горбатую сущность”, свой продажный пыл. Но:

А слово, нами молвленное здесь,
единственную выбрало отчизну.

Их возмущает Глушкова. Их возмущает Распутин. Их возмущает Бондарев. Их возмущает Белов. Они по-скорпионьи ненавидят Куняева, Проскурина, Иванова, Лобанова, Бондаренко, ненавидят всех, у кого под сердцем - Россия...

Геннадий Жаворонков в "Московских новостях" заклинился на "фашизме", и Павел Гутионтов в "Огоньке" заклинился на "фашизме". На каком? На "русском фашизме", на "русской" угрозе! На митингах собираются "фашисты" из "Памяти", кругом - "русские фашисты"...

* * *

Что же "фашистского" в моем выступлении, произнесенном 27 января 1990 года в Останкино? Привожу выступление полностью:

"Русские, не забывайте: мы и сегодня - великий народ, объединяйтесь! Русские, кто одурманивает, растлевает наших детей? Кто оккупировал наши газеты, радио, экраны, театры, институты, суды, магазины, рынки? Оглянитесь и опомнитесь!

Русские, не прощайте измены и трусости высокопоставленным русским хриstopродавцам! Помогайте верностью и добротой соседним народам-россиянам! Наши сыновья-солдаты, домой из бакинско-карабахского огня, домой! Славяне, россияне, мы не жандармы, жандармы те, кто посеял подозрение и смуту, те, кто запоздалыми решениями вверг нашу страну в хаос и мракобесие! Жандармы - сионисты и хриstopродавцы, подавляющие пугалом антисемитизма каждый малый национальный вздох россиян! Нет - жесткому, самонадеянному бухаринцу, члену Политбюро ЦК КПСС Яковлеву! Нет! Нет! Нет!

Да здравствует бесстрашная борьба за Российскую Партию, за Россию! Долой базарный, пошлый космополитизм! Долой инквизиторский сионизм! Долой сфабрикованный провокаторами антисемитизм! Долой погромную культурную революцию нового Мао! Долой осмеяние, клевету, коллективное безмолвие! Долой неудержимое, мокрое, трибунное словоблудие, пайковую икру, бриллианты, путешествия за наш счет!

Да здравствует Фронт Национального Спасения России! Русские, россияне, создадим такой Фронт! Спасем Россию, ее народы и все наши республики от параноидальной склоки, свары, резни! Спасем Родину от крушения! Изберем в президенты России чуваша Аркадия Айдака, защищающего нас, русских, от сионистского ига!

Да здравствует борьба против преступной пропаганды ненависти к русским! Читайте, изучайте, разоблачайте антирусскую, сионистскую печать гранитных властолюбцев-хриstopродавцев, рассказывайте ее расистскую суть детям, братьям, сестрам, отцам, дедам, готовьте россиян к борьбе! Учитесь бороться на обманутой русской доле, русской обильной крови! Нас превращают в нацию-инвалида, в

народ-калеку! Тайное удушение России продолжают планетарные негодяи! Они уничтожают наши деревни, на их месте оставляют братские могилы и обелиски! Мы уже - безземельные палестинцы!

Требуйте немедленного безвозмездного расселения беженцев-россиян на землях матери-России, в пустых домах, этих ослепших памятниках кровавой сионистской вакханалии: памятниках террору над русскими, памятниках геноциду! Дома развешанных россиян прибирают к рукам торгаши-бандюги! Россияне, возвращайтесь на землю, рожайте детей! Создадим фонд помощи беженцам-россиянам!

Коммунисты-россияне, поднимайтесь за спасение России! Воины-россияне, поднимайтесь за спасение России! Чекисты-россияне, поднимайтесь за спасение России! Рабочие, крестьяне, интеллигенты, поднимайтесь за спасение России!

Россию спешат расчленить! Россию грабят! Из юношей-россиян делают безденежных пьяниц, из девушек-россиянок делают интерпроституток! Не верьте политиканам-болтунам! Не верьте политиканам-космополитам! Не верьте политиканам-сионистам! Не верьте политиканам-христопродавцам! Русские предатели опаснее сионистов, называйте их громко!

Труд наш - Россия! Воля наша - Россия! Боль наша - Россия! Жизнь наша - Россия! Высшая награда наша - принять смерть за Россию! Россия - россиянам! Свет и доброта России - всем! Победим или умрем за Россию! Ура!

На Руси родиться - распроститься
С радостью и с дедовским крестом.
На Руси родиться, как явиться
Атаманом или же Христом.
Если снова ангелы и черти
Нагло оседлали бунтаря,
На Руси недалеко до смерти,
До расстрелов, проще говоря.
На Руси мятеж не больше лета,
Он к зиме кончается тоской.
На Руси благодарят поэта
Гробою черною доской.
На Руси никто не отвечает
За себя и целые века.
На Руси нерусских привечает
Русская державная рука.
Ну зачем ты смотришь волооко,
Почему ты грустная, луна,
Неужель от Пушкина до Блока
Речка жизни кровью не полна?!

Сколько сгасло по тропинам узким,
Сколько слез умыкала верста,
Потому и быть на свете русским -
Доля атамана и Христа!"

Нерусскому, загранторгашу, верим, а русскому поэту нет? Я для "голосов из-за бугра" - "фашист". Куняев - "фашист". Глушкова - "фашистка". А Евтушенко, разъезжавший в форме израильского военного по казармам армии Израиля, - безгрешный лирик?.. Когда средства массовой информации перестанут "благоприятствовать" Сиону? Ларчик открывается просто. Сегодня русский народ - "фашист", а завтра настоящий фашист - не фашист. Завтра тот, кто жег, стрелял, вешал, - коллега, святой соучастник по бизнесу, по энергичному соторгашеству. Доллар - выше солдатского холмика, выше братской могилы. Доллар - выше кричащих в русское пространство обелисков.

За доллар Абрам Терц - Андрей Синявский плюнул в Пушкина, в Россию. За доллар дельцы планеты, предатели ее и наши предатели, нахамили у памятника воину-освободителю в Треп-тов-парке, за доллар не раз попытались они набросить тень на бессмертного маршала - Георгия Константиновича Жукова. Эта национальная русская душа, этот неодолимый русский характер, этот полководец века томит и злобит ненавистников нашей родной истории, нашей ратной славы. Великий полководец вместе со своими воинами отстоял Россию, а они, торгаша, готовы разделить ее на "независимые регионы", готовы рвать ее, унижать ее, лишь бы насытить собственное чрево, тоскующее по звону долларов.

Неужели они забыли свою кровь? Неужели они забыли нашу кровь? Забыли кровь дедов, отцов, своих и наших. Жуткую войну забыли. Черный расистский ураган забыли.

Истинное поэтическое слово обязано защищать справедливость, обязано восстанавливать утраченное чувство достоинства:

Когда такая тишина витает,
такая птица горькая кружит,
как будто дух неслышно воспаряет,
а тело - где-то мертвое лежит,

я так скажу: для этих расстояний
на сорок бед - единственный ответ:
страданье не зовет себя страданьем,
разлука знает, что разлуки нет.

Стихи Татьяны Глушковой не только ничем не напоминают длинные “рифмованные бельевые веревки” Беллы Ахмадулиной, но, наоборот, - отсекают ахмадулинскую химизированную туманность первородными чувствами, ясностью, искренностью и росностью слога.

Поэтесса Татьяна Глушкова, идущая от материнской земли, от материнской речи, очень плохая поэтесса, а критик Татьяна Глушкова, болеющая за совесть литературы, за национальное сострадание к России, и того хуже!.. Недаром так ярок погромный список за 1988 год ниспровергателей Татьяны Глушковой:

1. “Знамя”, № 1, статья С. Рассадина (о стихах).
2. “Книжное обозрение”, 27 января, статья А. Щуплова.
3. “Литературная Россия”, 29 января, статья В. Сухнева.
4. “Огонек”, № 13, статья С. Рассадина.
5. “Огонек”, № 14, редакционная статья.
6. “Огонек”, № 19, статья Б. Сарнова.
7. “Огонек”, № 20, статья С. Рассадина.
8. “Литературное обозрение”, № 4, статья Ю. Богомолова.
9. “Вопросы литературы”, № 5, статья Б. Сарнова.
10. “Юность”, № 5, статья Б. Сарнова.
11. “Юность”, № 7, статья Н. Ивановой.
12. “Новый мир”, № 8, статья Аллы Латыниной.
13. “Искусство кино”, № 8, статья И. Соловьевой.
14. “Библиотека “Огонька”, № 36, статья С. Рассадина.
15. И мн., мн., мн. др.

* * *

Есть такое старинное слово, ныне редко употребляемое в том первоначном смысле, который оно несло, - “спелись”, слились в порыве чистосердечия и признательности мигу

счастья, откровения и высоты, но тут “спелись” не ради чистосердечия, не ради откровения и высоты, а спелись - возможность-то какая дана им в нашей прессе! - для уличения, издевательства, “сметения с лица земли”, всего того, что обрекла дарованием и опытом, отстояла сердцем Татьяна Глушкова.

А почему так? Откуда берет начало эта непримиримость критиков? Что их тревожит, пугает, или - развенчивает или разоблачает?..

Татьяна Глушкова защищает ценности, отобранные из веков и охраняемые веками, ценности, дразнящие чужое хищное око, и, казалось бы, ее надо приободрить! Ведь, скажем, сколько сейчас оборотней расплодилось, готовых все родное осмеять, унижить, продать, развеять? Но не замечают. Не гnevаются. Почитайте Владимира Войновича в “Вечерней Москве” (1989, апрель, с. 3):

“У меня сейчас пятнадцатилетняя дочь. В Германии она росла, общалась с подругами, они вместе смотрели кино, читали книги. Она прекрасно знает немецкий, лучше русского. Вправе ли я решать за нее? Она даже Чонкина все норовит прочитать не на русском, а на немецком - а печатался он на двадцати пяти языках”. Вот так нужно “русскому” человеку детей своих воспитывать! Чтобы и они, следуя отцу, заявляли: “Мне Галич нравится больше всего как сатирик, его песни о Климе Петровиче, репортаж с футбольного матча... А вообще из бардов больше всего люблю Окуджаву”.

И, разумеется, Войнович любит своего Чонкина, ведь это же - Василий Теркин, Ходжа Насреддин. А сам Войнович? Гений. В 1974 году его исключили за Чонкина, героя его романа, из Союза писателей СССР, а сейчас в Шереметьево, в аэропорту, в спину Войновичу благоговеют, восклицая и тыкая пальцами: “Это же Чонкин! Давай снимать фильм! Давай ставить пьесу! Еще пиши!” Догоняют. Лебезят перед “гостем”, метут пыль хвостами.

И Эльдар Рязанов снимает Войновича во дворе СП СССР, как дом с памятником Льву Толстому... Во дворе, где “сейчас, как на одном из оживленных европейских перекрестков, мы встречаем Наума Коржавина и Андрея Синявского, сына Переса Маркиша - Давида. Парадокс ли?”. Нет. Не парадокс. Торжество! Безоглядное. Парадокс - если бы о творчестве Татьяны Глушковой, русской поэтессе, заговорили, кагально и “спевшись”, те, кто ее громит за чистоту и верность, громит за русское призвание и совесть.

Не раз мне приходилось задумываться о том, что многие наши газеты и журналы, радио и телевидение рабски встречают псев-догениев, любителей иноплеменных “спецголосов и спецэкранов”. Доморощенное лакейство, космополитическое блудючество, гвалт тех, кто “по службе обязан” создавать вернувшимся “из-за морей и океанов” победный шум, ореол мученика вокруг диссидентствующей головы, создавать “статус” неприкосновенности у нас и в мире, - противны.

Зачем Татьяне Глушковой боль родной земли? Зачем ей ссоры с нашими критиками? Пусть поучится у Войновича, как работать, как обделывать дело! Ненависть к русскому

человеку, к русской земле, к русской песне, даже к русской женщине Войнович не скрывает, а нахально хвастает ею, демонстрирует ее грубо и неприкрыто, уличая в “связи” чонкинскую знакомую с Борькой-кабаном. Есть же предел маразму, предел подлости или же их нет? Судя по Войновичу - нет.

Но не виноват Войнович в запредельной ненависти к нам, не виноват. Его патологическая ненависть - “священна”! Виновата в любви к русскому человеку, к русской земле, ко всему родному, русскому Татьяна Глушкова. Да, виновата! Зачем она видит красоту в древнем холме Подмосковья? Зачем она слушает нежную украинскую мову? Зачем она плачет над вековым горем славянской колыбели - Чернобылем? ..

Лирический герой книг Татьяны Глушковой желает наладить спокойную трудовую жизнь на отчей меже, на отчем поле, а лирический герой Войновича собирается покинуть Россию и поселиться на Западе, приобрести там какую-нибудь фирму, ну, допустим, как поэт Наум Коржавин, - парикмахерскую. Это - по Москве до сих пор гуляют “сплетни” о поэте-бессребренике Науме Коржавине, будто он владеет небольшой уютной парикмахерской в Израиле, а тоскует по пролетарской Москве, но чего-то трусит вернуться и обрадовать столицу СССР...

Гуляют слухи, но знаменитые московские критики-боссы молчат. А Наум Коржавин сообщает им:

Страх - не взлет для стихов.
Не источник высокой печали.
Я мешок потрохов! -
так себя я теперь ощущаю.
В царстве лжи и греха
я б восстал, я сказал бы: “Поспорим!”
Но мои потроха
протестуют... А я им- покорен.
Тяжко день ото дня
я влачусь. Задыхаясь. Тоскуя.
Вдруг пропорют меня -
ведь собрать потрохов не смогу я.

Поэт брал “черную ноту”, а получилась пародия. Незнание национальных глубин и оттенков языка подвело автора. И социальная тоска поэта превратилась в дурную “похлебку”, обернулась бытовщиной, потрошением физиологии, “клоунским разматыванием кишок на сцене...”! Хоть опровергли бы! Неужели им некогда? Заняты борьбою с Татьяной Глушковой?

Еще 18 марта 1909 года А. И. Куприн писал Ф. Д. Батюшкову: “Все мы, лучшие люди

России (себя к ним причисляю в самом-самом хвосте), давно уже бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, еврейской повышенной чувствительности, еврейской страсти господствовать, еврейской многовековой спайки, которая делает этот “избранный” народ столь же страшным и сильным, как стая оводов, способных убить в болоте лошадь. Ужасно то, что все мы сознаем это, но в сто раз ужаснее то, что мы об этом только шепчемся в самой интимной компании на ушко, а вслух сказать никогда не решимся. Можно печатно иносказательно обругать царя, и даже Бога, но попробуй-ка еврея - ого-го! - какой вопль и визг поднимется среди этих фармацевтов, зубных врачей, адвокатов, докторов и особенно громко среди русских писателей, ибо, как сказал один очень недурной беллетрист - Куприн, - каждый еврей рождается на свет Божий с предначертанной миссией быть русским писателем”. Не о еврейском народе сказал Куприн, а о вырождаках, о литературных лихоимцах...

Недоброжелательство к Татьяне Глушковой сообщает читателям в основном одну мысль: “Глушкова - человек малоодаренный и злой, человек неинтересный!” Но если так, то зачем же ор? Зачем же хоровое проклятье над именем Глушковой? Зачем же “прописывать” ее творчество под “осиянное” крыло Ахмадулиной или Мориц? Известно - ученик непременно унесет в себе какие-то черточки учителя, если не главные опорные черты. Где же логика у “объективных и непредвзятых” критиков Глушковой? Логика нет. Стая мух!..

Что вот в этих строках, протяжных и грустных, как знакомый вздох усталой крестьянки, что, повторяю, в них от манеры Евтушенко, что?

...А на Пскове всё женщины стирают.
В косынках белых женщины стирают
мужчинам всей земли.
Плывут рубахи,
усталые холщовые рубахи,
и дышат полной грудью...

Чтобы понять язык другого народа, мало, вероятно, среди этого народа появиться на свет и вырасти, если ты не проник, не вошел духом и плотью в быт и нрав этого народа, мало. Говорить на языке этого народа, еще не значит - понимать звуки и шорохи этого языка...

Газета “Вечерняя Москва” почти половину полосы восторженно отдала под “саркастические” остроты Войновича, прилетевшего к нам получить гонорар в журнале “Юность” за свой роман, если можно назвать это усердное зубоскальство романом, это хроническое “блудючество горбуна”, и вновь отбыл на Запад, где его дочь теперь милее произносит немецкое слово, чем русское. Хотя гарантий нет, что его, Войновича, внучка не станет милее произносить, к примеру, “гаитянское” слово, чем немецкое, - ведь

Войнович склонен к путешествиям, но без ностальгий по временным родинам, надеюсь, он передаст “генетическое уважение” к путешествиям и своим отпрыскам, продолжателям его неукротимой и вездесущей крови!..

“...Каков он путь, путь “независимого” писателя? Сколько литераторов, оторванных от своих корней, своей Родины, были вынуждены писать за рубежом. Но где бы они ни писали, всегда оставались русскими. Русский писатель Владимир Набоков, классик русской литературы Иван Бунин. А Федор Шаляпин, Сергей Рахманинов?..”

Ишь, куда метит Войнович? Поближе к русским классикам! Губа, как говорят, не дура. От Борьки-кабана - и сразу в русские классики? От ненависти к русскому - в русские Шаляпины? И - все у таких просто, как переехать, с базарными чемоданами, перелететь из СССР в ФРГ, из ФРГ на Гаити.

Но Войнович удивляется, нервничает: “...на Запад приехал главный редактор “Нового мира”. Говорил, что теперь его журнал будет печатать все острое, интересное, теперь все можно. Послушав его, я решил послать в “Новый мир” свою повесть “путем взаимной переписки”. (Она была, кстати, набрана в 1968-м, но потом запрещена.) Он мне ответил, что будет печатать только талантливое. Ну, я ему тоже что-то довольно жестко ответил. Он мне еще, столь же резко. На этом я прекратил нашу переписку”.

Вдумайтесь, какая оголтелая самоуверенность! Ни слова, ни мига сомнения: а вдруг вещь не состоялась, вдруг в ней изъяны найдены - нет, идет нахрапом, напролом вторгается в другую эстетику, в другого человека, в другой опыт художника, и “Ну, я ему...”. А ведь С. П. Залыгин, главный редактор “Нового мира”, - самый старый писатель у нас на таком литературном посту, пощадить не грех...

А почему бы “Вечерней Москве” не дать интервью с Татьяной Глушковой, ведь интервью с Войновичем напечатано? Почему бы “Огоньку” не опубликовать “взгляд” на текущий литературный процесс Татьяны Глушковой? Получается: если ты согласен с Войновичем и войновичами, пожалуйста, тебе - интервью, но если ты не согласен с Войновичем и войновичами, тебе - от ворот поворот. Сейчас вообще так: если ты, как Татьяна Глушкова, не намерен уехать в Израиль или на Гаити, если ты считаешь, что и дома наладить жизнь можно и нужно, ты - отсталый, “неперестроечный” человек. Перестроечный - митингующий, ниспровергающий, трибунный, а не тот - упрямо думающий, конструирующий, пашущий, сеющий!..

Есть у нас даже, как объявил “Огонек”, и центр “Мозг” перестройки, в “Мозг” перестройки входят вчерашние “прорабы перестройки”, но пополневшие ныне, повысившиеся в должностях, уже оглаженные “новыми веяниями”, зачесами, галстуками, дачами, обласканные массовой любовью “прорессивных” граждан СССР и “прогрессивными” народами Европы, Азии, Африки... Называть их, членов “Мозга” перестройки, как вчера называли “прорабами”, нехороши, малограмотно, почти оскорбительно, потому они - “Мозг” перестройки.

А такие, как Татьяна Глушкова, тоскуют по огородным лопухам, по унавоженным почвам

- “сталинисты”, опасные внезапной жестокостью, чуть ли не склонностью, отмечают, “спевшись”, критики, к “шовинизму”, а там - и терпением к “Памяти”, а там - “русский фашизм”, там - почему власть бездействует? - “арестовать” надо. Во, демократы, прорабы гласности, начинавшие “мостить” планету при Сталине, пустившие “под кукурузу” Россию при Хрущеве, и - по-стариковски брюзжат возле депутатских вакансий ныне. Не “прорабы”, а ловцы карьер, “горбуны-неудачники”.

* * *

Нельзя не удивляться: не всякие цари древних и новых земель разрешали вельможам скопом наваливаться на писателей и поносить их, как это в последние времена укоренилось у нас, у отдельных наших “ответственных” работников, призванных помогать печати, а не организовывать из нее “гражданскую войну” в литературной среде. Да и только ли в литературной?

Сталинский Жданов раз выступил против Ахматовой и Зощенко, а целый ряд наших газет и журналов, теперешних, с помощью члена ЦК КПСС тов. Яковлева А. Н., не представляют себе номера без нападок на русских деятелей культуры. Есть “Огоньки”, где по три, по четыре материала на странице дано против Юрия Васильевича Бондарева. Впечатление такое, что это не “Огонек”, а камера, где совершается избиение невинного при открытых дверях и незашторенных окнах. Свобода! Первую “взбучку” русским писателям Яковлев учинил в семидесятых годах, за что был отправлен послом в Канаду с поста и. о. заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС. Теперь он - член Политбюро ЦК КПСС, послом в Канаду не отправят, хотя молимся...

Татьяна Глушкова, как вы поняли по списку фамилий критиков, атакующих ее, - жертва необузданной “гласности и демократии” зарвавшихся “прорабов” перестройки. Я сам слышал и видел, как топала ногами, хрипела, пыталась оторваться от кресла и куда-то улететь “прорабица”, всклокоченная и рассерженная критикесса, Наталья Иванова, топала и хрипела, когда вышла к микрофону опрятная большеглазая женщина и начала горько рассказывать о травле, которой ее несправедливо подвергли за честные книги, - Татьяна Глушкова.

А критикесса хрипела, топала и “выкаркивала” через каждые две, три минуты: “Слава Коротичу! Слава Коротичу!..”

При чем туг Коротич, думал я. У Коротича свой “собственный” журнал в руках, “Огонек”, но ведь ни журнал, ни сам Коротич не принадлежат лично этой всклокоченной и рассерженной “прорабице”, критикессе, тяжело топающей ногами, но пытающейся оторваться от земного шара и куда-то улететь...

Но кого же видят в Татьяне Глушковой, в поэтических и очерковых ее книгах С. Чупрынин, Ю. Богомолов, Б. Сарнов, С. Рассадин, А. Латынина, И. Соловьева, Н. Иванова и другие, и прежде всего - Н. Иванова, твердящая: “Мы еще только начали, мол,

подождите, будет вам впереди?!”

А видят они в Татьяне Глушковой - “трудно вообразимое”, “застойный стиль”, “аналог эпигонства”, “вторичность”, “эклетику”, “подражание подражанию”, “безвременье”, “врага интеллигенции”, “врага перестройки” и т. д.

Каждый из них - вносит “неповторимое”, “индивидуальное”, как “вносили” когда-то их яркие предшественники, в историю литературы, формулировки, ярлыки: “враг революции”, “враг коллективизации”, “классовый враг”, “антисоветчик”, “руссофил”, “деревенщик”, и - успевали, отпихивали, отлучали, ликвидировали!

Не вспомнить ли Куприна?..

Меры нет, удержу нету, элементарная микрочастица воспитанности отсутствует в “рядовых и в прорабах”, когда они получают аудиторию. Вот как, опять в пресс-бюллетене “Дома кино” (1989, апрель, с. 5), пишет о Соломоне Михоэлсе некий А. Минкин: “В годы войны, - сказала она, - бойцы нередко шли в бой с именем Михоэлса на устах!” И я представил себе поднимающийся в атаку взвод: “За Соломона! Ура-а!” Бред о вожде?.. Хохма?

Ничего себе. Представил. Пошутил над бойцами-олухами, вывернул наизнанку легенду, сочиненную старой актрисой, - цинизм? Да. Эгоизм? Да. Презрение к чужой, нашей, культуре, к чужому, нашему, народу, презрение и к трагической судьбе Соломона Михоэлса. Но А. Минкин - не редкость.

Цинизм, эгоизм - и презрение в статье “Национальная гордость, но не имперское чванство” (“Литературная газета”, 1990, март, № 10, с. 2), цинизм сопредседателей совета “Апреля” Евгения Евтушенко, Анатолия Приставкина, Вадима Соколова, Юрия Черниченко, Михаила Шатрова, “библейский” эгоизм во взгляде на русский народ: “Даже господам болгариним не приходило в голову презрительно называть “русскоязычными писателями” Пушкина - за его эфиопскую, а Лермонтова - за его шотландскую кровь”. По капельке “взвешивали, вычисляли” состав “нерусской” крови. У русских гениев? Сопредседатели или расисты?! Булгарину “не приходило в голову”, а им, “русскоязычным интернационалистам”, пришло...

Так отблагодарили “апрелевцы” русских писателей за их “Письмо в Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза”. В “Письме” (“Литературная Россия”, 1990, март, № 9, с. 2) русские писатели высказали свою тревогу о русском народе, о ненависти к нему, раздуваемой “руссофобии” в прессе, по радио и телевидению, высказали тревогу о России...

Жаворонков в “Московских новостях”, Гутионтов в “Огоньке”, Евтушенко, Приставкин, Соколов, Черниченко, Шатров в “Литгазете”, “Голос Америки”, “Свобода”, “Немецкая волна” клеймят “русский фашизм”, а его нигде нет. Клеймят, порочат, при удобном случае, “Наш современник”, “Москву”, “Молодую гвардию”, “подсоединяя” их к “Памяти”, пытаюсь тем самым “поднять депутатский корпус” за воскрешение закона “об

антисемитизме”, за свободу - судить, как судил нас Троцкий, Свердлов, Менжинский, Ягода, Ежов, Берия и др.

Кто же - “мозговой центр”? Коротич, Евтушенко, Приставкин, Соколов, Черниченко, Шатров, Жаворонков, Гутионтов - “мозговой центр”, а с ними и член Политбюро Яковлев, обожаемый ими, “прорабами” перестройки?! Закон “об антисемитизме” - эгоизм “малого народа”, а эгоизм - выше презрения. Эгоизм - беспощаднее слепоты.

Иван Чонкин, узнав, что Нюрка в “связи” с Борькой-кабаном, мучается: застрелить или не застрелить ее, и скрупулезно допрашивает Нюрку. Не застрелит, помилует. Благородный...

Как действие - так лютая ненависть к русскому. Как поступок - так “завоевательная” грязь. Нет ни иронии, ни сатиры, ни смеха, ни банальной простецкой улыбки. Только - злоба. Только - яд. Только - животная слюна.

А Бенедикт Сарнов сравнивает Войновича с Гоголем! Еще бы! Разве Гоголь мог так гнойно хихикать над русским? Гот.чль - слабый автор. Гоголь изображал - плача. Надо - без аристократических нюнь: железно.

Да, Войнович - смелее Гоголя! Войнович - один в мире. В СССР - один. В ФРГ - один. На Гаити - один.

Но кого же оберегает от молвы и от хулы, кого перевозносит Татьяна Глушкова - ванек, дусек, людей русских, Россию защищает, о славе ее говорит, а где эта слава? Где красота русская?.. Москва, возвратившись, заметил Войнович, грязная. Продавщицы грязные. Даже в Шереметьево, где он сошел с международного лайнера, крикнули: “Вы чаво, не знаете, как декларацию заполнять?”

А Татьяна Глушкова всерьез вдохновляется, грустит:

Кресты разбиты, выщерблены “яти”,
скрипит песок у литер в желобках.
В граните каменеет настоятель,
под скифским камнем мается монах -
Яновский-Гоголь был ему приятель,
который на Московии зачах...

Зачем ей тот Гоголь? Есть этот Гоголь - Войнович, не будет же зря сравнивать его с тем Гоголем Бенедикт Сарнов. В чем же заключено движение человека вперед? В этом вот тонком сожалении, “как перед грозю” - один он, мальчик, верящий в доброту, свою и чужую, в свой и чужой дом, в мир, свой и чужой, далеко-окрестный, но солнечный и не

жестокий, или в том, чтобы развивать стольную скорость, опережать, теснить, побеждать и вновь взрывать, забывать и греметь, греметь по военным трактам, или в том, чтобы огульно гыгыкать над чужими святынями?

Татьяна Глушкова - цельный, необманно сформированный человек, умеющий сказать целлофановому туристу: "Прекратите топтаться и ерничать здесь, на поле, где трудились наши отцы, пахали, сеяли и умирали!.."

Она собирает ценное, нужное, родное, доказывает необходимость поднять это родное, беречь это ценное, передавать его дальше, как луч, от горизонта к горизонту. Владеющая прекрасно интонацией, "моделью" стиха, Татьяна Глушкова несет в слове то, чего мы изрядно подрастеряли, - совестливость, виноватость, горечь переживаний за свои и чужие ошибки, за свое и чужое несчастье, и это "без инородного самоуверенного обличительства", без указующей "правоты", назойливой подначки, это по-русски, бережно и чутко:

Чтоб затем, взяв последнюю гроздь
золотого, в крови винограда,
вдруг понять, как легко мне жилось,
как привольное сердце рвалось,
как уже невозможна пощада!

Нормальному-то, родному-то человеку всюду - даже в победе, даже в милой радости слышится боль, не своя, так чужая, минута печали, миг виноватости русского одиночества перед отчими холмами, перед небом Родины...

Язык не поворачивается повторить, как некий критик, ничего не давший русской речи, кроме "блатной" неряшливости и зависти, пытается спеленать, грубо завернуть золотое слово и душу поэтессы в кочевой непокой торгашества, "так называемая поэтесса", и далее - не менее "проезже", не менее хамовито.

Но ведь горит яростная кровь слова, звенит его неистребимый смысл, реет его пронзительный и нежный свет:

Не за то, что крещенской метели
ничего не знавала светлей,
не за то, что российские ели
мне казались всего зеленей.

И - спорить не надо: выживет тот человек, тот народ, кто сохранит тропинку к лугу, к речке, сохранит и поймет великие думы колоколен, кто далеко уйдет в травы, в звезды, вникая в мир бессмертными очами истории, очами опыта и мудрости. Да и физически выдюжит в грядущем - такой! Наука и прогресс не тоскуют по беспамятным уродам, по "прорабам", взрывающим тысячелетнюю красоту, по "борцам", отравляющим серебряное горло родников и ливней.

* * *

Наша пресса широко рассказывает о технических достижениях Японии, Америки, Индии, Китая и о том, какие там памятники, как там осторожно относятся к прошлому, как там умно и полезно соединяют его с настоящим и будущим. А кто же нам помешал? Давайте хоть раз призадумаемся и разберемся, и назовем вину, причину, а может, и - кого-то!.. Используя высокое положение в партии и в государстве, Яковлев налево и направо раздает интервью, "растаскивает" русских писателей по "категориям", "порокам", "заблуждениям", "шалостям", как будто он годы и годы провел с ними в дымной "богеме", щедро делится запечатленными наблюдениями. Не слишком ли часто? Не слишком ли часто его защищают Коротичи, Жаворонковы, Гутионтовы?

Разве человек человеку, народ народу, государство государству мешает? В чем смысл вражды? Кто идола вражды? Кому вражда и подозрительность выгодны? Почему, "по-яковлевски", смелое письмо в ЦК КПСС - "донос"? Почему, по-яковлевски, ЦК КПСС и КГБ - "доносные инстанции"? Мол, в ЦК КПСС и в КГБ "на меня доносят", охо, "затюканный" член Политбюро!.. А сам он тогда откуда? А вот этот документ "твердолобый", но без "русского фашизма", документ, принятый десятью тысячами человек, - донос? Документ, характеризующий храбреца-революционера, его "постоянство" и "перестроечную линию".

Москва, Останкино. 27.01.90 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ

ОБЩЕМОСКОВСКОГО МИТИНГА БЛОКА ОБЩЕСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ РОССИИ

Перестройка, начатая официально под лозунгом "Больше социализма!", была с энтузиазмом поддержана всеми трудящимися страны. Однако скоро стало ясно, что под прикрытием этого прекрасного лозунга кучка безответственных лиц, представляющая

интересы мировой и доморощенной буржуазии, ведет дело к реставрации капитализма.

Никогда еще в истории человечества не совершалось такого лицемерного и жестокого предательства народа. Никогда еще над нашей Родиной, Россией не нависала такая страшная гроза. Впервые в своей истории Россия, столько раз спасавшая мировую цивилизацию от орд захватчиков, сама становится угрозой всему человечеству. Ибо нарастание гражданской войны, охват ею территории всей страны не может обойтись без множества новых чернобылей, взрывов газо- и аммиакопроводов, ядерной перестрелки внутри страны.

Чтобы предотвратить катастрофу, нужно остановить ее кровавых архитекторов. Одним из них является преуспевающий в море человеческих страданий член Политбюро А. Н. Яковлев. Головокружительная карьера этого человека, за кратчайшее время из кресла директора института взлетевшего на пост второго лица государства, тесно связана с этапами развала нашей духовной и материальной жизни. Лжеученый, в годы застоя написавший кучу книг о расцвете социализма и кризисе капитализма, сегодня с завидной легкостью, подобно многим из его компании, перевернулся на сто восемьдесят градусов. Уловив то, что нужно “за бугром”, он поливает грязью нашу историю, оплевывает наши морально-политические принципы, травит как “догматиков” и “сталинистов” тех, кто не торгует убеждениями. Этот человек, полностью оторванный от корней народной духовности, вчера громил известных русских писателей за богоискательство и славянофильство, упрекая их в измене идеалам революции, а сегодня едет преклонить колена в Оптину пустынь. Вчера он поносил старую деревню и “справного мужика”, сегодня поносит колхозы и стоит за частную собственность. Это он благословил наступление безнравственности в искусстве и жизни. Это он - в прошлом один из “верных ленинцев” - насадил в средствах массовой информации людей, глумящихся над великим Лениным, и добродушно взирает на так называемых “народных” депутатов, требующих разрушения Мавзолея.

Это он разрабатывал “идеологию”, допускающую любую антисоветскую пропаганду и клевету на социализм.

При всей своей страсти с обличениями “бюрократов” и “аппаратчиков” он сам является сегодня старейшиной аппаратчиков и бюрократов в худшем смысле этого слова. Сегодня он также усердно обслуживает “новое мышление” Горбачева, как вчера обслуживал “старое мышление” Брежнева и Суслова.

Отсюда и поддержка им таких же беспринципных конъюнктурщиков, как Коротич, Попов, Шмелев и К°.

Это после его зарубежных поездок во многих странах тотчас же осуществляется “демократизация”, замешанная на крови и страданиях народов.

Яковлев - это старая застойная грязь, превратившаяся в псевдояркую перестроечную пену. Терпя в своем руководстве подобных перерожденцев, партия подписывает себе смертный приговор. Терпя у штурвала страны Яковлева, мы подписываем смертный

приговор себе, своим детям и внукам. Но мы уже достаточно натерпелись от Яковлевых и им подобных. Терпению приходит конец.

МЫ ТРЕБУЕМ УСТРАНЕНИЯ ЯКОВЛЕВА ОТ ВСЕХ ЕГО ДОЛЖНОСТЕЙ И СОЗДАНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ!

Почему каждый русский поэт должен, наречено ему, преодолевать неприязнь, давления, оскорбления, а часто - ложь, клевету, почему? Почему Татьяна Глушкова, несомненно талантливый поэт и публицист, должна защищаться? От кого? На родной-то земле!

Помню, Адольф Урбан, ныне покойный, выступил в "Литературной газете" со статьей, предвзято и нечестно уличая меня в обожании культа Сталина. Решил - и уличил. Ему понадобилось решить... И я вынужден был 11 декабря 1988 года отправиться в редакцию с таким опровергающим ответом, по-детски полагая, мол, тут же опубликуют:

"Уважаемая редакция!

В статье "Чтоб просияла правда" Адольф Урбан, коснувшись моей поэмы "Игорь Курчатов", подтасовал факты: слова Сталина приписал мне, автору, о Игоре Васильевиче Курчатове, мученике-патриоте, отозвался бездоказательно и высокомерно. Обвиняя меня в ностальгических бессонницах по "корифею всех наук", тем и оскорбляя меня, Адольф Урбан скрыл от читателей мое отношение к Сталину:

...Батя не по-барски
Жимист, и в хозяйстве у скупца
Тюрьмы, от Бутырок до Аляски.

У меня нет ни одной холопской строки о Сталине. Не будет о нем, надеюсь, и фальшиво-отважных, запоздало мешающих нам рассказать о заспанных кровавых его наставниках и равных ему рядовых палачах. Не буду я и за шинель Сталина заталкивать изощренных казнителей народа - Троцкого, Свердлова, Каменева, Пятакова, Бухарина, Ягоду, Ежова, Берия, Урлиха, Кагановича.

Адольф Урбан совершил очень грубую ошибку, не зная ни биографии моей, ни пережитого мною. С прицельной настырностью Адольф Урбан попутно приписывает и учителей "непокорному" поэту Станиславу Куняеву: Коржавина, Бродского и пр., и пр.

Перед Станиславом Куняевым - великая русская поэзия, у него нет нужды питать свою душу вылинявшим и облезлым на чужих ветрах словом. Наклеивание ярлыков - метод испытанный, но, как показывает время, ненадежный!.. Потому вчерашние сталинские, хрущевские, брежневские одописцы вырывают рули и микрофоны у истинных тружеников перестройки и присяжнее всех, одутловатые, но еще подвижные, орудут на трибунах..."

Похоже - и ярлыки Адольфа Урбана, и претензии к "подражателю", и тон, менторский, надоевший нам, не терпящий возражений, "прорабский" тон критиков. Но русское не заглушить и не опорочить. Недаром Татьяна Глушкова сказала об Александре Блоке, любимом поэте, как выстрадала, как подтвердила давнюю любовь, давнее соприкосновение с прошлым: "Его чуткость к родной стране была огромна, как бывает это только у великих лирических поэтов - особенно с обостренной, неусыпной совестью".

Традиция - великий путь. Путь - в слове. Путь - в преобразованиях. Традиция - завтрашнее открытие. И даже печаль - традиция, путь к далекому, путь упования и восхождений:

А вот ухе превозмогла
осенний перевоз.
Дождит. Полуночная мгла
полна, как вечность, слез.

Можно затевать полемики, ссоры. Можно не здороваться с неприятными, противными тебе недругами, но когда ты - ты, когда слово твое - не побирушка, не барыня, а труженица, а достоверная и доподлинная твоя душа.

Хочется процитировать несколько строк Татьяны Глушковой о любви:

Была ко мне жестокой
последняя любовь.
За око - только
око брала и кровь - за кровь.
Скупой, немилосердной
она ко мне была
и на неделе вербной
снежинками цвела.
И поле корчевала,
в котором я расту,
и вьюгой заметала .

зеленую версту.

Незащищенность, искренность красивого, большого чувства, большого и надежного горя вместе с нашей традицией человечности и доброты присутствуют в ее стихах.

Великий Есенин писал еще давно-давно:

“Что такое Америка? Вслед за открытием этой страны туда тянулся весь неудачливый мир Европы, искатели золота и приключений, авантюристы самых низших марок, которые, пользуясь человеческой игрой и государства, шли на службу к разным правительствам и теснили коренной красный народ Америки всеми средствами.

Красный народ стал сопротивляться, начались жестокие войны, и в результате от многомиллионного народа краснокожих осталась горсточка (около 500 000), которую содержат сейчас, тщательно огородив стеной от культурного мира, кинематографические предприниматели. Дикий народ пропал от виски. Политика хищников разложила его окончательно. Гайавату заразили сифилисом, опоили и загнали догнывать частью на болота Флориды, частью в снега Канады”.

Не загонят ли нас, коренных русских и коренных нерусских, на суверенитетные острова перестроечных Флорид и Канад?

Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный Путь.

Не жалеете же ушедших,
Уходящих каждый час, -
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас.

Страж любви - судьба-мздоимец
Счастье пестует на век.
Кто сегодня был любимец -
Завтра нищий человек.

Переворачивается бездна... Не судьбы страждут, а мздоимцы, вымогатели доллара. Но их цинизм опрокидывает Глушкова:

Девчонка помнит: наряжась вдовою,
мальчонка чует, что - геройски пасть...
Что жизни им отмерено с лихвою
в тот час, когда она оборвалась...

Однажды, увидя, как разомлевшая на заграничных тортах столичная писательница окутывала собою пока худенького нового главного редактора “популярного” журнала, забыв, наверно, что и старого, “толстого”, снятого, она также подробно и широко, как медленно накреляющийся воз осенней, лоснистой соломы, окутывала, обволакивала, “охмуряла”, острят поэты, - я отметил: легко ей не мучиться, не стыдиться и сидеть за столом с карандашом ей легко, ну, примерно, как с банкетным икряным бутербродом...

А вот Татьяне Глушковой - тяжело над книгой, над распростертой страницей, над белым листом бумаги:

Лежит страна разлука
в гремучем далеке.
Сидит в окне старуха
с веретеном в руке.

Веретено - история. Веретено - время. Веретено - слово. Веретено - память. Веретено - боль. Это веретено держала в ладонях наша бабушка, горькая русская мать, держала его в ладонях и вдова-солдатка, веретено, за нитью которого бежит, как наша дедовская тропинка, судьба, жизнь.

* * *

Дело не в перечисленных мною именах критиков Т. Глушковой или критиков любого другого поэта. Критики - критики. Каждый имеет право на свой вкус, на свое мнение. Беда в том, что мнение общественное сегодня “в руках” коротичей, беляе-вых, Яковлевых и других ненавистников России. Печать, принадлежащая народу, как бы принадлежит только им. Некоторые русофобы, держа в ладонях рули прессы, успели под “ветер” перестройки распространить собственных деток, сынков и дочек по отдельным редакциям “демократических” газет. Породнившись до перестройки, они теперь кланами владеют прессой эпохи перестройки... Слава “эпоху”, сами выскочили в ее “герои”, затыкая рот каждому, кто посмеет “вякнуть” против них.

Грозная стая способна разорвать на клочки любого, любого критика, любого поэта,

любого не согласного со стаей журналиста, писателя, мыслителя. За небольшим исключением пресса осуществляет бесцеремонный и нахрапистый диктат. Пора создать широкую и представительную комиссию по расследованию ее деятельности и ее генородственных переплетений, полонивших наше общественное мнение... Мало ли в свое время Ю. Черниченко топтали? Забыл - топчет насмерть иных!.. Затаптал Осташвили. Не отмоеся.

Появилась даже у определенных “местечковых пролетариев” тоска по дворянской крови. Им совестно “происходить” из крестьян и рабочих. А Глушкову лопухи очаровывают? Деревня.

Новоявленные дворяне подсматривают себе виллы под Римом и Вашингтоном, рыночно гогоча над несчастными трудящимися, готовясь скупать сокровища и территории... Новоявленные дворяне давно объединились в могучий деспотический клан, а мылишь начинаем замечать их. То в Киеве они - дворяне, то в Москве они - у штурвала прессы, то в Израиле они - обожаемые соотечественники, как в эпиграмме:

Он в Киеве был дворянин,
В Москве - воинственный раввин,
Вот что такое - клизма
В эпоху плюрализма!..

Невозможно молчать, и преступно молчать, когда за честное слово твой собрат, да и ты сам подвергаешься осмеянию, клевете, позору, циничному ветхозаветному яду...

Ты, дорогой читатель, не будь равнодушным, не стой в стороне, не отдавай на поругание тех, кто бьется за тебя, за твоих детей, за землю твою родную, не отдавай! Только вместе мы возмужаем и подобраем, вместе отодвинем удушливую мглу.

Не отдавай!..

1989-1990

Валентин Сорокин Крест поэта, М. 2000